

П. Гиллиард

**Трагическая судьба Русской императорской
фамилии.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Гиллиард**
Трагическая судьба Русской императорской фамилии. / П. Гиллиард – М.: Книга по Требованию, 2021. – 71 с.

ISBN 978-5-517-97948-3

Воспоминания бывшего воспитателя Наследника Цесаревича Алексея Николаевича Пьера Жильяра. Перевод с французского

ISBN 978-5-517-97948-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

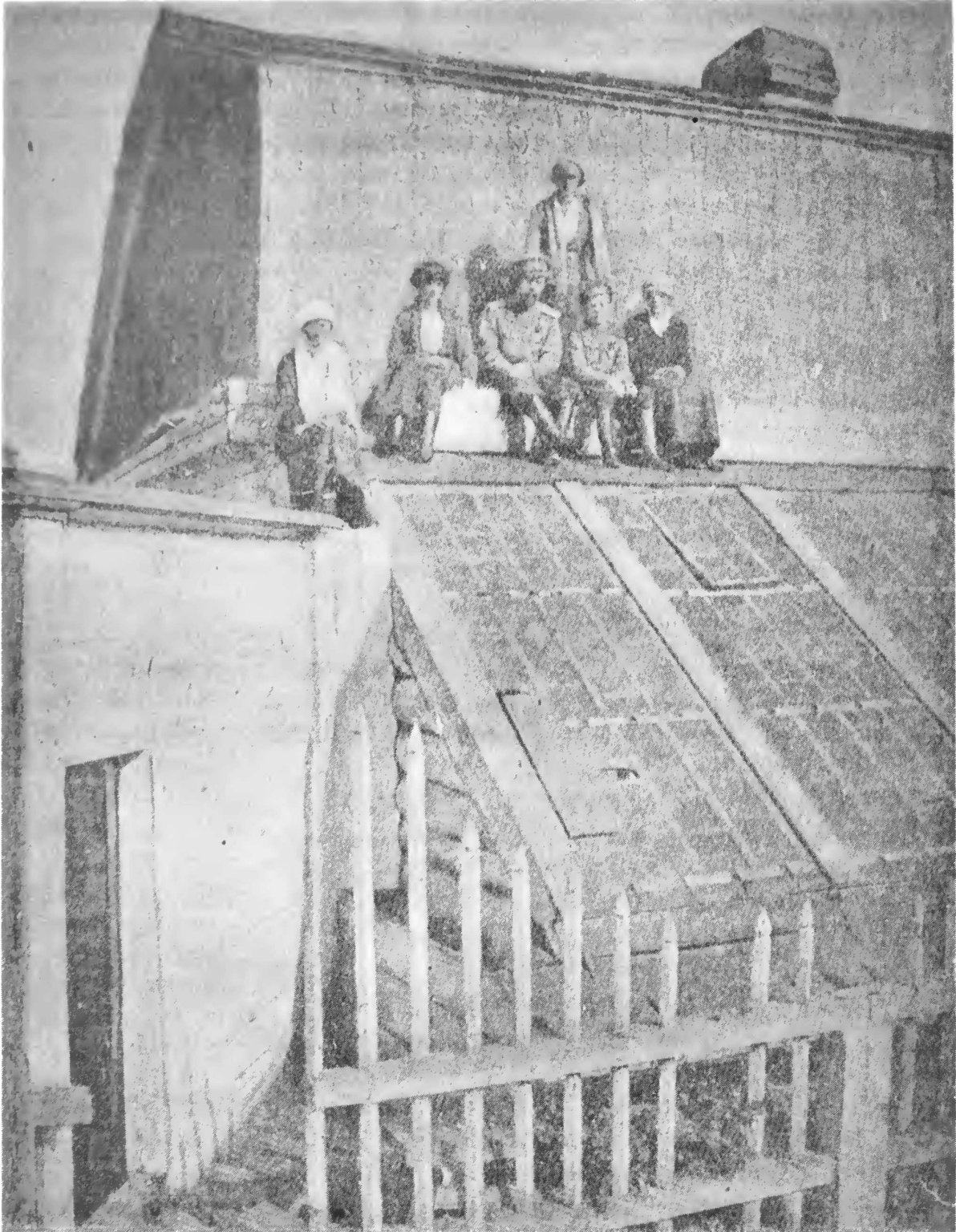
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

была послѣдней главой описанія жизни императорской семьи до революціи, во время заключенія въ Царскомъ Селѣ и пребыванія въ Тобольскѣ, но въ данномъ случаѣ, сосредоточенное вниманіе всего міра требуетъ порядка иного, тѣмъ болѣе, что уголъ завѣсы, прикрывавшей драму, уже поднимается. Въ Америкѣ, Георгій Тельбергъ, бывшій Министръ Юстиціи Омскаго правительства, уже опубликовалъ нѣкоторыя данныя слѣдственной комиссіи, а Робертъ Вильтонъ, корреспондентъ газеты „Times“, который тоже принялъ участіе въ послѣднихъ дѣйствіяхъ слѣдственной комиссіи, выпустилъ въ Англии книгу, изданную на основаніи официальныхъ документовъ, подъ заглавіемъ „Послѣдніе дни Романовыхъ“.

Трагическая судьба русской императорской фамилии.

Воспоминанія Пьера Жильяра.

(Съ французскаго).

I. Екатеринбургское преступленіе.

Пришло время оповѣстить міръ о правдѣ екатеринбургскаго преступленія во всѣхъ подробностяхъ и во всемъ своемъ отвращеніи. Необходимо дать широкимъ слоямъ общества свѣдѣнія, которыхъ ему не достаетъ, чтобы оно могло сознательно судить и усвоить правильное мнѣніе объ обстоятельствахъ, имѣвшихъ своимъ эпилогомъ потрясающую ночь съ 16 на 17 іюля 1918 г.*).

Молчаніе, къ которому насъ обязывало судебное слѣдствіе, было широко использовано прежде всего самими виновниками преступления и литературой низкой пробы, что еще болѣе запутало общественное сужденіе. Наступило время для тѣхъ, кто знаетъ правду, сообщить ее другимъ, — это долгъ, который лежитъ на нихъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ объ отвѣтственности за все случившееся, я хочу рассказать только о тѣхъ происшествіяхъ, въ которыя я былъ непосредственно замѣшанъ по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, и выставить подробности злодѣянія въ томъ видѣ, въ какомъ, онѣ выяснились при производствѣ слѣдствія.

Первые пять мѣсяцевъ послѣ революціи 1917 года императорская семья провела въ Царскомъ Селѣ. Въ августѣ того же года императоръ, императрица и пятеро ихъ дѣтей, наследникъ — въ возрастѣ 13 лѣтъ, Ольга — 22 лѣтъ, Татьяна — 20 лѣтъ, Марія — 18 лѣтъ и Анастасія — 16 лѣтъ, были перевезены въ Тобольскъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ ихъ лицъ свиты и довольно большого количества дворцовой прислуги. Когда въ апрѣлѣ 1918 года комиссаръ Яковлевъ отправился изъ Тобольска въ Москву, чтобы хлопотать о новомъ переводѣ императорской

*) Всѣ даты обозначены по новому стилю.

семьи, наследникъ былъ опасно боленъ, и его состояніе не позволяло ему перенести тяжесть новаго путешествія. Было рѣшено, что онъ останется въ Тобольскѣ съ своими тремя сестрами, и что за ними придутъ позднѣе.

Спереди: г-жа Шнейдеръ, графиня Гендрикова, князь Долгоруковъ; — сзади: генераль Татищевъ, Пьеръ Жильеръ.

день подъ стражу въ домъ Ипатьева, богатаго купца Екатеринбургъ.

Три недѣли спустя наследникъ съ своими тремя сестрами, Ольгой, Татьяной и Анастасіей, также оставили Тобольскъ, вывезенные комиссарами Хохряковымъ и Родіоновымъ. Эта вторая отправка обнимала почти всѣхъ прочихъ, оставшихся въ Тобольскѣ послѣ отъѣзда императора лицъ; я назову имена только тѣхъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ моемъ послѣдующемъ разсказѣ: генераль-адъютантъ Татищевъ, баронесса Буксгевденъ и графиня Гендрикова—фрейлины императрицы, гофъ-лектрисса Шнейдеръ, докторъ Деревенко—врачъ наследника, г. Жиббсъ — англичанинъ-гувернеръ.

26 апрѣля императоръ, императрица и дочь ихъ Марія, въ сопровожденіи гофмаршала князя Долгорукова, доктора Боткина и трехъ слугъ—Чемадурова, камердинера государя, Анны Демидовой, горничной императрицы, и Ивана Сѣднева, слуги великихъ княженъ, были увезены комиссаромъ Яковлевымъ. На лошадахъ они были доставлены въ Тюмень, ближайшую къ Тобольску желѣзнодорожную станцію, и 30 апрѣля прибыли въ Екатеринбургъ. За исключеніемъ князя Долгорукова, который былъ тотчасъ же отвезенъ въ тюрьму, всѣ были заключены въ тотъ же

Докторъ Боткинъ.

22 мая мы прибыли въ Тюмень и были тотчасъ же отправлены подъ сильнымъ конвоемъ въ специальный поѣздъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Екатеринбургъ. Въ моментъ, когда я готовился занять мѣсто рядомъ съ моимъ воспитанникомъ, я былъ грубо отъ него отлученъ и переведенъ въ вагонъ четвертаго класса, охраняемый, какъ и прочіе, часовыми. Ночью мы прибыли въ Екатеринбургъ, и нашъ вагонъ поставили на запасномъ пути, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ станціи.

Утромъ, около 9 часовъ, нѣсколько извозчиковъ выстроились вдоль нашего поѣзда, и я увидѣлъ какихъ-то четырехъ человекъ, направлявшихся къ вагону царскихъ дѣтей. Прошло нѣсколько минутъ, потомъ Нагорный, матросъ, приставленный къ Алексѣю Николаевичу, прошелъ мимо моего окна, неся наследника на рукахъ; за нимъ прошли великія княжны, неся саквояжи и другіе предметы. Я хотѣлъ выйти, но меня грубо оттолкнулъ стоявшій у двери вагона часовой. Я снова сталъ у окна. Татьяна Николаевна прошла послѣдней, неся въ одной рукѣ маленькую собачку, а въ другой, съ трудомъ удерживая, — тяжелый, черный чемоданъ. Шелъ дождь, и съ каждымъ шагомъ она глубоко проваливалась въ грязь. Нагорный хотѣлъ притти къ ней на помощь, но одинъ изъ комиссаровъ съ гнѣвомъ отбросилъ его назадъ. Еще нѣсколько мгновений, и извозчики скрылись, увозя дѣтей по направленію къ городу.

Какъ я не подозрѣвалъ въ то время, что мнѣ уже не суждено болѣе увидѣть тѣхъ, съ кѣмъ я прожилъ такъ много лѣтъ! Я былъ увѣренъ, что за нами пріѣдутъ и что мы скоро всѣ опять соединимся. Но время шло. Нашъ поѣздъ подвели къ станціи, и

Матросъ Нагорный.

я увидѣлъ, что повели генерала Татищева, графиню Гендрикову и госпожу Шнейдеръ. Нѣсколько позднѣе наступила очередь Волкова, камердинера императрицы, повара Харитонова, лакея Труппа и юнаго Сѣднева, мальчика 14 лѣтъ. Впослѣдствіи изъ нихъ одинъ только Волковъ былъ спасенъ, да Сѣднева отпустили; всѣ же остальные, кого провели въ этотъ день, не вышли живыми изъ рукъ большевиковъ.

Мы всѣ продолжали ждать. Что же происходило? Почему не приходили за нами? Мы уже строили различныя предположенія, когда, около 5 часовъ дня, комиссаръ Родіоновъ, пріѣзжавшій за нами въ Тобольскъ, вошелъ въ вагонъ и намъ объявилъ, что „мы болѣе не нужны“ и что „мы свободны“. Свободны! Значить, насъ съ ними разлучили! Полное отчаяніе охватило насъ послѣ

того возбужденія, которое поддерживало насъ до тѣхъ поръ. Что дѣлать? Что предпринять? Мы были совершенно подавлены. Я и теперь не могу понять, чѣмъ руководствовались большевистскіе комиссары въ своихъ дѣйствіяхъ, которыя привели къ спасенію нашихъ жизней. Отчего, напримѣръ, увели въ тюрьму графиню Гендрикову, но оставили на свободѣ баронессу Буксгевденъ, такую же фрейлину императрицы? Отчего они, а не мы? Нѣтъ ли недоразумѣній съ именами и званіями? Чудеса!

На другой и слѣдующіе дни я ходилъ съ своими коллегами къ консуламъ Англій и Швеціи, такъ какъ французскій консулъ отсутствовалъ. Надо было, чего бы то ни стоило, предпринять шаги, чтобы помочь несчастнымъ заключеннымъ. Оба консула насъ успокоили, говоря, что мѣры приняты, и что они не находятъ положенія угрожающимъ. Я прошелъ мимо дома Ипатьева, — можно было видѣть только его верхъ, надъ досчатымъ заборомъ, воздвигнутымъ вдоль фасада. Я еще не терялъ надежды въ него войти, такъ какъ докторъ Деревенко, которому разрѣшили навѣщать ребенка, слышалъ, какъ Боткинъ отъ имени государя просилъ комиссара Авдѣева, начальника стражи, чтобы тотъ позволилъ мнѣ присоединиться къ заключеннымъ. Авдѣевъ отвѣтилъ, что онъ обратится въ Москву. Въ ожиданіи, мои спутники и я, кромѣ доктора Деревенко, взявшаго квартиру въ городѣ, остались жить въ вагонѣ четвертаго класса, въ которомъ насъ привезли. Мы прожили въ немъ болѣе мѣсяца.

26-го мая мы получили приказъ немедленно оставить предѣлы Пермской губерніи, гдѣ находится Екатеринбургъ, и ѣхать обратно въ Тобольскъ. Намъ выдали одинъ общій документъ на всѣхъ, чтобы держать насъ вмѣстѣ и облегчить стражѣ надзоръ. Но поѣзда уже не шли; антибольшевистское движеніе русскихъ добровольцевъ и чехо-словаковъ распространялось быстро, и вся желѣзнодорожная линія была предоставлена исключительно для движенія воинскихъ эшелоновъ, отправлявшихся спѣшно въ Тюмень. Это была неожиданная задержка.

Когда я проходилъ какъ-то вмѣстѣ съ докторомъ Деревенко и моимъ коллегой Жиббсъ мимо дома Ипатьева, мы обратили вниманіе на двухъ стоявшихъ у дома извозчиковъ, окруженныхъ многочисленными красноармейцами. Велико было наше волненіе, когда на одномъ изъ нихъ мы увидели Ивана Сѣднева (слугу великихъ князей), сидящимъ между двумя красноармейцами. Нагорный подходилъ къ второму извозчику. Приподнявшись на подножкѣ экипажа надъ толпой, онъ замѣтилъ насъ, безмолвно стоявшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ пристально смотрѣлъ на насъ нѣсколько секундъ и, не сдѣлавъ ни одного движенія, которое могло бы насъ выдать, опустился въ экипажъ. Экипажи

двинулись, и мы видѣли, какъ они свернули по направленію къ тюрьмѣ. Оба были разстрѣляны нѣсколько дней спустя. Все ихъ преступленіе заключалось въ томъ, что они не сумѣли скрыть свое негодованіе, когда увидѣли, что болшевистскіе комиссары снимаютъ небольшую золотую цѣпочку, на которой висѣли образа надъ изголовьемъ кровати больного наследника.

Прошло еще нѣсколько дней, и я узналъ отъ доктора Деревенко, что просьба Боткина относительно меня отклонена. 3 іюня нашъ вагонъ прицѣпили къ бѣженскому поѣзду, направлявшемуся въ Тюмень, куда мы прибыли 15 іюня послѣ многихъ приключеній. По пріѣздѣ въ Тюмень я былъ арестованъ въ болшевистскомъ штабѣ, куда пришелъ для полученія необходимой визы на дальнѣйшій проѣздъ. Но и въ этотъ разъ мы случайно избѣгли участи, которая готовилась намъ.

20 іюля бѣлые захватили Тюмень и освободили насъ отъ насильниковъ, жертвами которыхъ мы должны были стать. Нѣсколько дней спустя газеты воспроизвели объявленіе, вѣвѣшенное на улицахъ Екатеринбургa и гласившее, что *„смертный приговоръ надъ бывшимъ царемъ Николаемъ Романовымъ приведенъ въ исполненіе въ ночь съ 16 на 17 іюля, бывшая же царица и дѣти увезены въ безопасное мѣсто“*. Наконецъ 25 іюля Екатеринбургъ палъ въ свою очередь, и, какъ только сообщеніе возстановилось, что произошло не скоро, мы — Жибсъ и я — отправились на поиски царской семьи и тѣхъ нашихъ сотоварищей, которые остались въ Екатеринбургѣ

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда я въ первый разъ проникъ въ домъ Ипатьева. Я обошелъ комнаты, которыя служили имъ тюрьмой; онѣ находились въ неопишемомъ безпорядкѣ, и было видно, что кто-то постарался уничтожить слѣды пребыванія тѣхъ, кто въ нихъ жилъ. Груды пепла были извлечены изъ печей. Онѣ заключали множество мелкихъ вещей, наполовину обуглившихся, какъ зубныя щетки, шпильки, пуговицы и пр. Среди нихъ я нашелъ головную щетку императрицы изъ слоновой кости, сохранившую инициалы А. Э. Если дѣйствительно арестованныхъ только вывезли то, значитъ, они отправились въ чемъ были, даже безъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей туалета. Я замѣтилъ затѣмъ на стѣнѣ, въ амбразурѣ окна комнаты императрицы ея любимыи знакъ „Suvastika“,*) который она рисовала такъ часто „на счастье“. Она его изобразила карандашемъ и крупными русскими буквами отмѣтила дату „17/30 апрѣля“, день ихъ прибытія въ домъ Ипатьева. Такой же знакъ, только безъ числа, былъ нарисованъ на обояхъ стѣны,

*) Индусскіи символическій знакъ, изображающій равноконечный крестъ съ краями, отогнутыми къ сторонѣ восходящаго солнца.

на высотѣ кровати, принадлежавшей, вѣроятно, наслѣднику. Я долго искалъ, но не находилъ ничего, что могло бы навести меня на ихъ слѣдъ.

Я спустился затѣмъ въ нижній, полуподвальный этажъ. Съ чувствомъ душевнаго трепета вошелъ я въ комнату, которая, возможно, была мѣстомъ смерти ихъ всѣхъ. Ея видъ былъ ужаснѣе всего, что только можно себѣ представить. Свѣтъ въ нее проникалъ сквозь задѣланное желѣзной рѣшеткой окно, которое находилось на высотѣ человѣческаго роста. Стѣны и полъ были повреждены многочисленными пулями и ударами штыковъ. Было ясно, что здѣсь совершилось ужасное преступленіе, что нѣсколько человѣкъ нашли здѣсь свою смерть. Но кто? Сколько лицъ? Я

Комната убійства.

понялъ, что императоръ погибъ, и не могъ допустить, что императрица могла его пережить. Я ее видѣлъ въ Tobolskѣ въ тѣ моменты, когда комиссаръ Яковлевъ входилъ къ государю, — она бросалась туда гдѣ опасность, какъ ей казалось, была велика. Я ее видѣлъ затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мучительнѣйшихъ колебаній, когда чувства жены и матери въ ней сильно боролись: борьба кончилась тѣмъ, что съ отчаяніемъ въ душѣ она рѣшила оставить тяжело больного, безконечно любимого сына, чтобы слѣдовать за мужемъ, жизни котораго угрожала смертельная опасность. Мнѣ стало казаться, что оба пали жертвами злодѣевъ. Но дѣти?

Неужели и они убиты? Я не могъ этому повѣрить. Все мое существо возмущалось при этой мысли. А, между тѣмъ, все доказывало, что жертвъ было много.

Въ послѣдующіе дни я продолжалъ розыски въ Екатеринбургѣ, въ окрестностяхъ, въ монастырѣ, словомъ, вездѣ, гдѣ я надѣялся найти что-нибудь. Я видѣлъ священника Сторожева, который послѣднимъ служилъ молебенъ въ домѣ Ипатьева. Это было 14 іюля, значитъ, за два дня до ужасной ночи. Увы, у него тоже не-много было надежды!

Слѣдствіе шло крайне медленно. Оно началось при условіяхъ чрезвычайно тяжелыхъ, такъ какъ въ промежутокъ между 17 и 25 іюля большевистскіе комиссары имѣли достаточно времени, чтобы уничтожить слѣды своего преступленія. По взятіи Екатеринбурга военное начальство распорядилось окружить домъ Ипатьева воинской охраной, и было приступлено къ производству слѣдствія, но нити были такъ умѣло запутаны, что трудно было найти концы ихъ. Самое важное показаніе было дано нѣкоторыми крестьянами дер. Коптяки, расположенной въ 20 верстахъ сѣверо-восточнѣе Екатеринбурга. Они заявили, что въ ночь съ 16 на 17 іюля, большевики заняли полянку въ лѣсу недалеко отъ ихъ деревни и остались тамъ нѣсколько дней. Они представили вещи, найденныя ими у шахты, возлѣ которой лежали обуглившіеся куски бревенъ. Офицеры отправились на указанную поляну и нашли еще другія вещи, которыя, какъ и первыя, были признаны принадлежавшими членамъ царской семьи.

Производство слѣдствія было возложено на Ивана Александровича Сергѣева, входившаго въ составъ прокурорскаго надзора Екатеринбургскаго окружнаго суда, и испытывало на своемъ пути огромныя трудности. Сергѣевъ все болѣе убѣждался въ гибели всѣхъ членовъ семьи. Между тѣмъ, тѣла оставались неразысканными, и нѣкоторыя указанія какъ бы говорили за возможность увоза императрицы и дѣтей. Эти указанія, какъ выяснилось впоследствии, исходили отъ большевистскихъ агентовъ, намѣренно оставленныхъ въ Екатеринбургѣ, чтобы направлять слѣдствіе по ложному пути. Ихъ цѣли были отчасти достигнуты, такъ какъ Сергѣевъ потерялъ много драгоценнаго времени и не скоро увѣрился въ томъ, что его вводятъ въ заблужденіе.

Въ январѣ 1919 г. адмиралъ Колчакъ, сознавая огромное историческое значеніе производимаго разслѣдованія и желая подробно съ нимъ ознакомиться, командировалъ генерала Дидерихса въ Екатеринбургъ и поручилъ ему доставить въ Омскъ нѣкоторыя вещественныя доказательства и принадлежавшія императорской семьѣ вещи. 5 февраля онъ вызвалъ судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ Николая Алексѣевича Соколова и поручилъ ему

тоже ознакомиться съ ходомъ слѣдствія. Два дня спустя министръ юстиціи Старынкевичъ передалъ производство слѣдствія названному Соколову.

Въ Омскѣ, въ концѣ февраля, куда я былъ вызванъ генераломъ Жаненъ, начальникомъ французской миссіи, я познакомился съ Н. А. Соколовымъ. Мы работали нѣсколько дней вмѣстѣ, послѣ чего онъ выѣхалъ въ Екатеринбургъ, чтобы продолжать на мѣстѣ слѣдствіе, начатое Сергѣевымъ.

Въ апрѣлѣ генералъ Дидерихсъ, прибывшій изъ Владивостока, также отправился въ Екатеринбургъ, чтобы оказать Соколову свое содѣйствіе. Съ этого момента слѣдствіе стало дѣлать большіе успѣхи. Были допрошены сотни свидѣтелей, а какъ только сошелъ снѣгъ, были произведены серьезныя работы въ лѣсу на полянкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ крестьяне обнаружили принадлежавшія царской семьи вещи.

Отдавъ себя всецѣло возложенному на него дѣлу, обнаруживая терпѣніе и самопожертвованіе удивительныя, Соколовъ возстановилъ въ нѣсколько мѣсяцевъ съ поразительною точностью всѣ подробности злодѣянія.

Въ половинѣ апрѣля 1918 г. Янкель Свердловъ, председатель Всероссійскаго центрального исполнительнаго комитета въ Москвѣ, уступая давленію Германіи, командировалъ въ Тобольскъ комиссара Яковлева, чтобы добиться вывоза царской семьи. Яковлевъ получилъ указаніе доставить ее въ Москву или въ Петроградъ. Встрѣтивъ на мѣстѣ сильное противодѣйствіе, какъ это установлено слѣдствіемъ, — онъ употребилъ всѣ средства, чтобы настоять на исполненіи даннаго ему порученія. Противодѣйствіе исходило отъ уральскаго совѣта, находившагося въ Екатеринбургѣ и подготовлявшаго за спиной Яковлева ловушку, чтобы убить царя. Но правдоподобнѣе, что этотъ планъ имѣлъ тайное одобреніе Москвы. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Свердловъ велъ двойную игру, и что, выражая готовность уступить настояніямъ графа Мирбаха, представителя Германіи, онъ вошелъ въ тайное соглашеніе съ екатеринбургскими комиссарами не упускать царя. Какъ бы то ни было, но переѣздъ императорской семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ былъ фактомъ, ранѣе не предвидѣннымъ. Въ два дня купецъ Ипатьевъ былъ выселенъ изъ своего дома, по фасаду котораго начали воздвигать досчатый заборъ, до высоты оконъ второго этажа.

30 апрѣля туда привезли императора, императрицу, великую княжну Марію Николаевну, доктора Боткина и нѣсколько слугъ. Охрана была сформирована изъ красноармейцевъ, которыхъ все время мѣняли. Позднѣе охрана была сформирована исключительно изъ рабочихъ верхъ-исетскихъ заводовъ и фабрики братьевъ Зло-